

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н. Белянин

ВЛИЯНИЕ СТОЛЫПИНСКОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РАЗВИТИЕ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Важной составляющей частью современной модернизации сельского хозяйства в России является направленность аграрной реформы на формирование фермерства [1, 6-7]. Вместе с тем, создание широкого слоя фермеров-собственников земли тормозится комплексом объективных и субъективных причин – отсутствием налаженной системы сельскохозяйственного кредитования, непродуманностью аграрной политики и т.п. В такой ситуации выходом может стать формирование условий для появления широкого слоя фермеров-арендаторов. По оценке В.И. Ленина, «для самого чистого капитализма, для самого полного, свободного, идеального приспособления к рынку аренда даже удобнее, чем собственность на землю» [2, 382]. Следует также иметь ввиду, что большая часть фермеров в США (крупнейшего экспортёра сельскохозяйственной продукции) на современном этапе не собственники земли, а ее арендаторы у крупных землевладельцев. В связи с этим, вполне оправданным является обращение к историческому опыту предшествующих эпох.

В конце XIX – начале XX вв. в экономике Сибири практически отсутствовало такое явление как аренда. Зажиточный крестьянин не покупал и не арендовал землю, а захватывал ее. Само явление аренды существовало лишь в зачаточном виде, и имели место лишь единичные случаи сдачи земли в аренду [3, 116].

Примечательно, что администрации казны и Кабинета в условиях относительного многоzemелья и слабой заселенности Томской губернии не имели четкого представления о сельскохозяйственных угодьях, которые возможно сдавать в аренду. Лучше всего данную ситуацию может охарактеризовать цитата из годового отчета начальника Алтайского округа за 1911 год: «точного учета земельного фонда, подлежащего эксплуатации арендой, никакого до сего года не велось, обмежеванных и обследованных арендных статей было весьма ничтожное количество. Эксплуатировались арендой в большинстве случаев свободные земельные пространства не только не обмежеванные и не разбитые на участки, но даже не обследованные в смысле пригодности их угодий для какого-либо определенного пользования. Аренда эта носила совершенно случайный характер и находилась в зависимости от спроса на землю со стороны местного населения» [4].

Слабость местной губернской и кабинетской администрации во второй половине XIX века практически исключала возможность контроля над свободными сельскохозяйственными угодьями. В такой ситуации крестьяне-переселенцы из Европейской России, прибывавшие в Томскую губернию, совершенно свободно расселялись на понравившихся им землях. Как отметил один из чиновников кабинетской администрации, начиная с 1865 года при-

шлом население, не сдерживающее в то время никакими законами, сразу попадало в положение хозяина и пользовалось землей по своему усмотрению [5]. Показателен пример, приведенный Н.М. Ядринцевым, когда в 1875 году на юге Томской губернии неожиданно (для администрации) обнаружилось 1 345 нигде не зачисленных семей крестьян [6, 203].

О степени слабости местной администрации может свидетельствовать следующая цитата одного из чинов Кабинета: «Бывшие управляющие имениями, при обширности вверенной им территории, не могли фактически ознакомиться со своими районами. В центральном управлении данных о местных районах также не было. Такое ведение земельного хозяйства без всякой системы и порядка, безусловно, сильно отражалось на доходности Алтайского округа. Нельзя сколько-нибудь сносно вести хозяйство, пока не приведено в известность все свое имущество» [7].

В такой ситуации объективных предпосылок для развития арендных отношений не было. И напротив, существовали предпосылки для расширения крестьянской запашки за счет самовольно захватываемых государственных и кабинетских земель. Благодаря таким захватам в конце 80-х годов XIX века в Алтайском округе 14,9% крестьянских дворов засевали более 20 десятин¹ земли [8, 234].

¹ 1 десятина = 1,1 га.

Нельзя сказать, что аренда в XIX веке как явление отсутствовала вообще. Некоторые крестьяне даже в условиях слабости администрации и бесконтрольности предпочитали заниматься не самовольными захватами (незаконными по сути), а расширением своих посевов путем аренды. Например, Гильман Сабитов с 1892 года арендовал 4 десятины земли, Ахмет Мустафин с 1891 года арендовал 11 десятин [9], но подобные факты все же относились скорее к разряду исключений.

Правительство пыталось развивать арендные отношения в Сибири путем введения различных льгот. Так, положением от 16 июня 1889 года было разрешено сдавать в аренду сибирским старожилам казенную землю без торгов и допустить прием в обеспечение исправной уплаты арендного оброка за отдаваемые земли взамен денежных залогов мирские приговоры и взаимные ручательства съемщиков [10, 2014]. Вместе с тем, при отсутствии объективных предпосылок для развития аренды подобные мероприятия давали весьма ограниченный эффект.

Ситуация начала меняться на рубеже XIX – XX вв, когда государство начало реформу по землеустройству местного населения в Сибири. Целью реформы было ограничение крестьянских земель от земель казны и Кабинета. В ходе землеустройства крестьяне получали фиксированный земельный надел размером в 10-15 десятин земли на 1 душу мужского пола (д.м.п.). Все остальные земли сверх 15 десятин считались излишками и подлежали изъятию в пользу Кабинета или казны [11]. Землестроительная реформа в значительной степени ликвидировала крестьянское многоземелье. По данным отчетов землестроительных партий всего за период землестроительной реформы только в Алтайском округе крестьянских наделов было отрезано 1 728 008, 21 де-

сятин [12]. Землеустройство сократило земельный простор, что неизбежно стимулировало переход части старожилого крестьянства Томской губернии к расширению своей запашки путем аренды.

В 1906 году правительство П.А. Столыпина подготовило и начало реализацию политики массовых переселений крестьян из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток. Массовый приток сотен тысяч переселенцев в Томскую губернию почти полностью ликвидировал прежнее многоземелье. Так, за 1906-1914 гг. в Томскую губернию прибыло 1 153 088 душ обоего пола, для которых было заготовлено за 1906-1915 гг. участков общего пользования емкостью в 5 203 787 десятин [13, 171-172]. Политика массовых переселений сопровождалась изъятием земель из ведения Кабинета и передачи этих земель для переселенцев [14, 285]. В рамках действия данного закона многие свободные арендные статьи были переданы Переселенческому Управлению, разбиты на переселенческие участки и поступили в пользование переселенцев. Например, на начало 1911 года Кабинет передал Переселенческому Управлению 1 117 814 десятин земли, которые ранее приносили Кабинету арендный доход в сумме 126 721 рубль ежегодно [15]. По данным начальника Алтайского округа, все наиболее ценные и лучшие оброчные статьи Кабинета в 1907-1909 гг. были отданы в колонизационный фонд в распоряжение Переселенческого Управления [16]. Изъятие доходных арендных статей с одной стороны негативным образом должно было повлиять на развитие арендного хозяйства. С другой стороны, ликвидация земельного простора стимулировала развитие арендных отношений. Так, управляющий Локтевским имением Кабинета в годовом отчете за 1907 год отметил, что арендаторы, ранее арендовав-

шие оброчные статьи сроком на 1 год, будучи проникнуты слухом, что свободные кабинетские земли в близком будущем перейдут в распоряжение Переселенческого Управления, постарались закрепить за собой арендаемые земли на более или менее продолжительные сроки [17]. Например, крестьянин К. Лаврентьев в 1906 году ходатайствовал о передаче ему в арендное содержание оброчную статью Томского имения сроком на 6 лет [18].

Следует отметить, что на развитие арендных отношений крайне негативно сказался массовый приток так называемых «самовольных» переселенцев. Перепись 1909 года зарегистрировала в Томской губернии до 80 тысяч семей таких самовольных переселенцев [19, 92]. Значительная часть таких самовольных переселенцев не получала земли на переселенческих участках и занималась «самоустройством». Такое «самоустройство» нередко выражалось в беспорядочных захватах кабинетских земель [20]. Нередкими были явления, когда переселенцы под тем или иным предлогом стремились получить землю в аренду, а затем, немедленно обстраивались, селили у себя вопреки договору родных и знакомых. В дальнейшем такие самовольно возникшие поселки возбуждали жалобы на стеснение и разорение их «общества» и требовали отвода им ценных земель в наделе по 15 десятин на д.м.п. [21, 14]. Ходатайства об отводе арендовавшейся ранее земли в надел возбуждали не только самовольные переселенцы, но и арендаторы со стажем, прожившие в Томской губернии не один год. Например, томский мещанин С.А. Тиунов более 7 лет арендовал земельный участок по реке Таербак вблизи села Митрофановки Томского уезда, а затем возбудил ходатайство об отводе арендовавшихся ранее угодий ему в отдельный хуторской участок. Примечательно, что данное

прошение 18 сентября 1912 года было удовлетворено [22]. Мещанин Сергей Шалыгин направил управляющему государственными имуществами Томской губернии 9 февраля 1913 года прошение, где писал, что арендует участок «Лысая гора» по реке Золотой Китат и просил отдать ему данный участок в вечное владение под хутор. Данное прошение было отклонено [23].

Самовольные захваты были нередким явлением и на казенных землях. Так, А.В. Минжуренко привел пример, как в сентябре-октябре 1910 года в Марининском уезде полицейский пристав с урядниками дважды разрушал постройки переселенцев, самовольно водворившихся на казенной земле, предназначеннной к сдаче в аренду [24, 104].

В такой ситуации происходило столкновение интересов не только между Кабинетом и самовольными переселенцами, но между крестьянами-арендаторами и самовольными переселенцами. Например, группа из 6 крестьян деревни Усть-Тулатинской Бийского уезда арендовала оброчную статью Змеиногорского имения сроком на 6 лет. На арендованные земли с 1909 года самовольно начали селиться переселенцы [25]. 11 сентября 1911 года Улалинский лесничий внес на рассмотрение мирового судьи пятого участка Бийского уезда 34 иска о восстановлении нарушенного владения. Самовольные переселенцы мешали арендаторам пользоваться тем, что им предоставлялось по договору об аренде [26].

Подобные случаи происходили и до столыпинской переселенческой политики. Так, начальник Алтайского округа 19 ноября 1903 года в циркуляре №13279 писал: «...как показала практика, возможно с одной стороны, что имение заключает на данный участок арендный договор, а с другой – третье лицо самовольно завладело

этим участком или частью участка и является препятствием для осуществления прав арендатора» [27].

Следует обратить внимание и на то, что интересы арендаторов сталкивались не только с самовольными, но и с легальными переселенцами. Например, в 1909 году в Алтайском округе Переселенческим Управлением был образован 51 участок для переселенцев. На большинстве этих участков проживали семьи арендаторов [28]. Прибывавшие затем переселенцы зачастую образовывали из переселенческого участка общину и пытались водить общинные порядки, т.е. периодические переделы земли, «справедливое» наделение землей всех членов общины и т.п. Так, крестьянин Емельян Абаков арендовал 2 оброчные статьи Кабинета. Эти статьи в 1910 году были включены в грань вновь образованных переселенческих участков, а с 1911 года арендатор начал встречать «препятствия со стороны переселенцев в пользовании арендной землей» [29].

Следует отметить, что не все самовольные непричисленные переселенцы занимались захватами чужих земель. Часть крестьян данной категории предпочитала легальным образом арендовать свободные казенные или кабинетские оброчные статьи. Например, лесничий Кабинета в справке от 14 апреля 1910 года отметил, что на территории черневой части Сузунского имения (4 арендные статьи площадью 11 184 десятины) проживают 233 семьи арендаторов. Большая часть из них – непричисленные переселенцы [30]. В 1911-1912 гг. в Барнаульском, Каинском, Марининском и Томском уездах 232 неприписных хозяйства уплатили за аренду в общей сумме 3 456, 18 рублей [13, 153]. Один из чиновников кабинетской администрации в 1910 году отметил, что в районе Кузнецкой черни по рекам Сумгай, Тогул,

Уксутай и Большой Чумыш проживало 970 д.м.п. арендаторов, из которых 512 д.м.п. непричисленные выходцы из Европейской России [13, 154]. Перепись от 30 декабря 1910 года выявила 45 668 семей непричисленных переселенцев в Томской губернии. Данная перепись позволяет нам делать выводы о характере хозяйств таких непричисленных переселенцев. Из всех опрошенных семей сено собирали 28 511 хозяйств, причем 22 364 хозяйства землю для покосов арендовали. Еще 2 134 хозяйства сочетали незаконные захваты покосов с их легальной арендой. Примечательно было то, что аренда покосов осуществлялась большей частью у отдельных лиц, меньшей частью – у сельских обществ, на казенных или кабинетских участках. По данным той же переписи, из числа сеющих хозяйств большинство (20 959 семей) имели пашню исключительно на арендованной земле, 4 508 хозяйств запахивали самовольно захваченные участки, а 1 208 хозяйств имели пашню часть на захваченных, частью на арендованных землях [31, 283, 292-293]. Таким образом, можно заключить, что весьма значительная часть непричисленных самовольных переселенцев предпочитала легальную аренду незаконным захватам.

Необходимо принять во внимание то, что законодательство Российской империи прямо или косвенно стимулировало развитие арендных отношений в Сибири. Так, при отсутствии закона о частной собственности на землю в Сибири значение аренды как средства мобилизации земли резко возросло. В.Г. Тюкаевин в капитальном труде «Сибирская деревня накануне Октября» приводит примеры крупных хозяйств, в которых большая часть земель приходилась не на крестьянские наделы, а на арендные статьи. В частности, в Алтайском округе было описано 21 хозяйство, которые арендовали у Кабинета 70 тысяч

десятин земли. Зажиточное хозяйство деревни Большая Редкая Каинского уезда Томской губернии имело в пользовании 402 десятины, из них 391 десятина была арендована. В этом хозяйстве было 15 лошадей, 75 голов скота и применялось 26 сельскохозяйственных машин [32, 245, 263].

В циркуляре от 27 марта 1913 года отмечалось, что право на устройство на отводимых для переселения землях имеют только лица, обрабатывающие землю лично. «Что же касается лиц, не могущих доказать такого участия личным трудом в ведении хозяйства, то для них... открывается возможность... арендовать в Сибири на общих основаниях арендные статьи...» [33]. Фактически данный циркуляр прямо и недвусмысленно ориентировал всех, «не обрабатывающих землю личным трудом» (т.е. потенциальных предпринимателей) именно на предпринимательскую аренду.

По мнению А.А. Храмкова, процесс концентрации земель в высших (зажиточных) группах крестьянских хозяйств шел через аренду, которая в сибирских условиях была единственным средством мобилизации земель [34, 96].

Фактором, стимулирующим арендные отношения, следует признать введение различных арендных льгот. Так, по указу 27 августа 1906 года малоземельным крестьянским обществам было разрешено арендовать казенно-оброчные статьи без торгов на льготных условиях или в исключительных случаях бесплатно [32, 104]. П.А. Столыпин после поездки в Сибирь предложил облегчить аренду для представителей коренного населения, часть которого занималась скотоводством [35, 33]. По данным Г.П. Жидкова, в 1910-1913 гг. казахские кочевья платили за 1 десятину арендируемой земли 35 копеек в год, тогда как средние арендные цены на земли Кабинета в этот пери-

од составляли 60-75 копеек [36, 211].

Журналом губернского съезда лесных чинов Томского управления государственных имуществ 1-10 сентября 1911 года было решено: «Все статьи лесного ведомства, кои находятся в пользовании старинных арендаторов-заимщиков, осевших в даче до времени их образования... обмежевать и предоставить в пользование этих арендаторов без торгов на 12-летний срок» [37].

По решению Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), было признано возможным применять сдачу в краткосрочную аренду без торгов запасные переселенческие участки, предназначенные для продажи [38].

В результате в 1914 году в Алтайском округе льготной арендой эксплуатировалось 404 938 десятин из 1 059 773 десятин, сдаваемых в аренду вообще. Средняя цена за 1 десятину льготной аренды составляла 41 копейку, а общий доход Кабинета от льготной аренды составил 167 717, 65 рублей [39].

Одним из главных условий развития аренды в Томской губернии следует признать относительно низкие цены на арендуемые земли. В пределах Томской губернии арендные цены могли колебаться в зависимости от типа аренды, качества арендуемых угодий и спроса на землю. Но практически всегда плата за аренду была низкой. Например, общество деревни Чулаковой арендовало участок в размере 4 631 десятин, за который в 1910-1912 гг. уплачивало по 300 рублей в год, при этом средние арендные цены на однородные близайшие участки достигали 1 рубль с десятиной пашни и 30 копеек с десятиной покоса [40]. Средняя стоимость арендованной десятины земли при долгосрочной аренде составляла 65 копеек, при краткосрочной – 52 копейки. Большинство поселков уплачивало от 15 до 25 рублей на хозяйство

и от 2 до 5 рублей на 1 д.м.п. Более 50 рублей на хозяйство уплачивали только богатые арендаторы, занимавшие большие площади земли [41]. По отдельным годам динамика изменения средних цен за 1 десятину аренды в Алтайском округе выглядит следующим образом: в 1910 г. - 78 копеек, в 1911 г. - 96 копеек, в 1912 г. - 63 копейки, в 1913-1914 гг. - 61 копейка, в 1915 г. - 65 копеек [42, 252].

Примечательно, что доходность 1 десятины переселенческой пашни в Сибири, по оценке П.А. Столыпина, равнялась 50 рублей, тогда как та же площадь в Европейской России давала доход в 30 рублей 55 копеек [35, 74]. По данным Л.М. Горюшкина, арендные ставки в Западной Сибири были в 5-10 раз ниже, чем Европейской России [43, 15].

Особенность арендных отношений было то, что преобладала (среди старожилов) т.н. «предпринимательская» аренда. Такая аренда имела конечной целью получение прибыли. По данным обследования старожильческих сел Томской губернии в 1912-1913 гг. на первом месте среди арендующих дворов стояла группа середняков, на втором месте шла группа зажиточных крестьян. Бедняцкая группа занимала последнее место. Для Европейской России была более характерна т.н. «голодная» аренда. Другая особенность арендных отношений в Томской губернии в том, что преобладала аренда за деньги, тогда как в Восточной Сибири, например, процент денежной аренды был меньше, а процент издольщины (оплата частью урожая) больше [32, 108, 109, 113]. Предпринимательская аренда в Западной Сибири составляла примерно $\frac{2}{3}$ всей арендируемой крестьянами площади [43, 15].

Следует иметь в виду, что аренда имела разное значение для различных категорий сельского населения. Если для за-

Таблица

Развитие аренды в переселенческих хозяйствах Томской губернии

Группы по времени поселения	% хозяйств, арендующих пашню	В среднем 1 хозяйство арендует десятин пашни	% хозяйств, арендующих сенокос	В среднем 1 хозяйство арендует десятин покоса
I (Водворившиеся менее трех лет назад)	14,5	3,9	15,8	14,8
II (Водворившиеся 3 года назад)	9,2	3,3	11,4	9,4
III (Водворившиеся 4-7 лет назад)	12,7	3,2	17,0	6,4
IV (Водворившиеся 8-18 лет назад)	14,7	4,8	37,5	7,2
V(Водворившиеся выше 18 лет назад)	8,4	3,4	48,7	3,5
Всего	13,1	3,8	20,3	8,9
Непричисленные переселенцы	48,6	3,0	40,5	6,0

Таблица составлена по данным: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. 1. – Томск, 1913. – С.95)

житочных старожилов аренда была едва ли не главным средством мобилизации земли, то для большинства переселенцев в первые годы поселения в Томской губернии, аренда была не характерна. Например, по данным статистического обследования 1911 года типичных переселенческих поселков Томской губернии выяснилось, что арендные отношения у переселенцев не вызываются необходимостью. К аренде пашни прибегали только 4,5% от общего числа хозяйств, а посевная площадь на арендованной земле составляла всего 1,6% общей площади посева [44].

Интересно, что по данным подворной переписи 1911-1912 гг., проводившейся в 291 переселенческом поселке ситуация с развитием аренды у переселенцев выглядит иначе (таблица).

Примечательно, что весьма значительно была развита аренда у непричисленных переселенцев. Так, 81,7% хозяйств данной категории прибегали к аренде либо пашни, либо сенокоса [45, 95].

Противоречивость данных статистических обследований можно объяснить следующим образом. Степень развитости арендных отношений у пересе-

ленцев могла сильно колебаться в пределах одного и того же уезда. Например, в 1911 году в Федосовской волости Барнаульского уезда отмечалось, что посевов на арендованных землях нет. В Хмелевской волости того же уезда также отмечалось отсутствие посевов на арендованной земле. А вот в Павловской волости того же Барнаульского уезда на 1 июля 1911 года было засеяно яровыми хлебами 7 467 десятин надельных земель и 4 941 десятина арендованных земель [46]. Если оценить степень распространения арендных отношений в целом у переселенцев Западной Сибири, то ситуация выглядит следующим образом.

По данным Л.М. Горюшкина, к 1912 году арендуемые участки составляли почти ¼ всех удобных земель, обрабатываемых переселенцами. На 80% это была вненадельная земля, государственная и кабинетская [43, 15]. Большая часть земель (62%), арендуемых у Кабинета в 1914 году, была взята на сроки от 2 до 36 лет, 38% - на 1 год [47]. Примечательно, что даже в годы первой мировой войны, когда экономика страны оказалась в кризисном состоянии, значительная часть крестьянских хозяйств по-прежнему за-

нималась арендой. Об этом свидетельствуют материалы переписи 1916 года в Томской губернии. Всего в 10 волостях губернии дали показания 8 288 дворов из различных категорий крестьянства (переселенцы, старожилы, непричисленные). Из них имели арендованную пашню 1 404 хозяйства. Особенно распространена аренда была среди категории «беспосевных» хозяйств. Из 1 621 хозяйства данной группы имели арендную землю 522 хозяйства, то есть почти каждое третье. 522 «беспосевных» хозяйства имели на арендной земле 2321,6 десятин посева [48, 136-139].

Стремление крестьян расширить свое землепользование посредством аренды положительным образом повлияло на доходность казны и Кабинета. По данным отчетных ведомостей по Томской губернии доходов с окладных и неокладных оброчных статей в казну поступило:

- в 1908 г. – 46 936 руб 57 коп ;
- в 1909 г. – 49 426 руб 66 коп;
- в 1910 г. – 52 681 руб 43 коп ;
- в 1911 г. – 71 551 руб 68 коп ;
- в 1912 г. – 88 000 руб 28 коп [49].

По материалам годовых отчетов начальников Алтайского

округа доходы Кабинета от аренды в годы столыпинской переселенческой политики росли следующим образом:

- в 1908 г. – 321 198 руб [50];
- в 1910 г. – 383 500 руб;
- в 1911 г. – 490 270 руб;
- в 1912 г. – 508 454 руб;
- в 1913 г. – 589 414 руб;
- в 1914 г. – 647 923 руб [51].

Несмотря на значительное уменьшение площадей сельскохозяйственных угодий Кабинета рост доходов очевиден. Рост доходов Кабинета за аренду объяснялся ростом площадей сдаваемых в аренду. Так, в 1910 –м сдавалось в аренду 488 278 десятин, а в 1914 г. – 1 059 772

десятины [52]. Как считает Е.И. Соловьева, 58% земельного фонда кабинета сдавалось в аренду [53, 143]. Кроме того, на увеличение доходов повлияло наличие большого спроса на свободные земли Кабинета, которые по этой причине нередко сдавались в долгосрочную аренду с торгов, на которых арендные цены повышались [54]. Положительно на развитие аренды сказалось и то, что Кабинет смог к 1914 г. более менее привести свое хозяйство в порядок. По данным Г.П. Жидкова, около 1,5 млн. десятин земли, преимущественно из отрезков прежнего крестьянского

землепользования были разбиты на мелкие участки, или «арендные статьи». В 1914 г. таких арендных статей было 22 289 [36, 211].

Таким образом, можно сделать общий вывод, что столыпинская переселенческая политика способствовала развитию арендных отношений в Томской губернии. Усилилась мобилизация земель, возросла плотность населения, в результате политики землеустройства старожилого населения и политики массовых переселений были созданы предпосылки для развития аренды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная реформа в России. – М., 1992. 78 с.
2. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т.21. С.380-386.
3. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т.3. С.1-609.
4. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф.Д-4. Оп.1. Д.446. Л.3.
5. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.3406. ЛЛ.12-12об.
6. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1982.
7. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.3069. Л.39. 720 с.
8. Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Часть 1. – Саратов, 1909. 308 с.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.244. Оп.1. Д.2. ЛЛ.255-255об.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствуем Сенате. – Второе полугодие. №67-147. – СПб., 1889. – Ст.849. 2817 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ), III, Т.XVI, Отделение I. – СПб., 1899. – Ст.12998; Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам. – Т.1. Часть 2. – СПб., 1900. – С.1196-1220; Свод законов Российской Империи. – Т.IX. – Особое приложение к законам о состоянии. – СПб., 1902. – С.530-548.
12. ЦХАФ АК. Ф.Д-29. Оп.1. Д.1015. ЛЛ.20об-21об.
13. Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906-1914 гг.). – Кемерово, 2003 (см. таблицы 2 и 3). 176 с.
14. Свод законов Российской Империи. Т.VII. – СПб., 1912. – Ст.1376. 435 с.
15. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.3069. Л.21об.
16. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.440. Л.3.
17. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.2936. Л.56об.
18. ГАТО. Ф.244. Оп.1. Д.12. Л.109.
19. Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1909 год. – СПб., 1910. 358 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.468. Оп.44. Д.645. Л.46.
21. К вопросу о землеустройстве на Алтае и земельной политике Кабинета Его Величества. - Барнаул, 1912.
22. ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.919. ЛЛ.175-177.
23. ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.919. ЛЛ.12, 15.
24. Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск, 1977. 244 с.
25. ЦХАФ АК. ФД-194. Оп.1. Д.2. Л.1.
26. РГИА. Ф.468. Оп.27. Д.1427. Л.2.
27. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.1175. Л.53об.
28. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.2978. ЛЛ.49-74.
29. ЦХАФ АК. Ф.Д-194. Оп.1. Д.2. Л.8.
30. РГИА. Ф.468. Оп.44. Д.738. Л.2-3.

31. Нагнибеда В.Я. Не предписанные переселенцы Томской губернии в 1910 году // Вопросы колонизации. – 1912. – №11. С.283-298.
32. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск, 1966. 472 с.
33. ГАТО. Ф.315. Оп.1. Д.5а. Л.76-77об.
34. Храмков А.А. К вопросу о классовом расслоении крестьянства Томской губернии в начале XX века // Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861-1917 гг. – Выпуск 2. Сибирь периода капитализма. – Новосибирск, 1965. С.89-96.
35. Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Поездка в Сибирь и Поволжье. – СПб., 1911. 170 с.
36. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). – Новосибирск, 1973. 264 с.
37. ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.919. ЛЛ.198-198об.
38. ГАТО. Ф.315. Оп.1. Д.5а. Л.77.
39. ЦХАФ АК. ФД-4. Оп.1. Д.446. Л.141об.
40. РГИА. Ф.396. Оп.6. Д.888. Л.5.
41. РГИА. Ф.46. Оп.44. Д.645. Л.63, 71.
42. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX вв. – Барнаул, 1991. 352 с.
43. Горюшкин Л.М. Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск. 1964. 25 с.
44. РГИА. Ф.391. Оп.4. д.22. Л.44.
45. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып.1. – Томск, 1913. 314 с.
46. ГАТО. Ф.3. Оп.47. Д.650. ЛЛ.9-10, 38-39, 154, 154об, 170.
47. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.446, Л.141об.
48. РГИА. Ф.396. Оп.6. Д.832. Л.8.
49. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии. – Новосибирск, 1969. 306 с.
50. ЦХАФ АК. Ф.Д.-29. Оп.1. Д.476. ЛЛ.13-15.
51. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1. Д.446. ЛЛ.31, 79, 108об., 141об.
52. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1 Д.446. Л.140.
53. Соловьева Е.И. Арендное хозяйство на кабинетских землях Алтайского округа (1906-1917 гг.). // Бахрушинские чтения. – Вып. II. – Сибирь периода феодализма и капитализма. – Новосибирск, 1968. С.139-152.
54. ЦХАФ АК. Ф.Д-4. Оп.1 Д.3039. Л.22а об.

Автор статьи:

Белянин
Дмитрий Николаевич
- канд. истор.наук, ст. преп. каф.
отечественной истории, теории и
истории культуры

УДК 94(571) "12./19"

Г.А. Ноздрин

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

При характеристике общественно-политического движения в Сибири основное внимание уделялось партиям и политическим течениям, а история общества оставалась в тени. В работах С.В. Макарчука [1], Г.А. Ноздрина, Г.А. Бочановой, Л.М. Горюшкина [2], Е.А. Дегальцевой [3], Д.И. Попова [4], опубликованных в последнее десятилетие, характеризовались различные аспекты общественных организаций, но исследование

этой проблематики только началось. Автор ставит задачу периодизации истории создания общественных организаций и выяснения роли политических партий на различных этапах политической жизни.

С великой реформы начался интенсивный рост числа обществ, обусловленный социально-экономическими, политическими и культурными причинами. Государство уже не могло справиться с социальными по-

требностями населения, и свободное место стало заполняться объединениями. В начале XX в. общественные организации стали приметной чертой России. Среди них выделялись благотворительные, возникшие на основе новой концепции социальной помощи; профессиональные, порожденные прогрессирующим разделением труда и специализацией; объединения по организации досуга, научные и культурные общества. Воз-